

Мальва. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Мальва. Максим Горький

Море – смеялось.

Под легким дуновением знойного ветра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослепительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок. В глубоком пространстве между морем и небом носился веселый плеск волн, взбегавших одна за другою на пологий берег песчаной косы. Этот звук и блеск солнца, тысячекратно отраженного рябью моря, гармонично сливались в непрерывное движение, полное живой радости. Солнце было счастливо тем, что светило; море – тем, что отражало его ликующий свет.

Ветер ласково гладил атласную грудь моря; солнце грело ее своими горячими лучами, и море, дремотно вздыхая под нежной силой этих ласк, насыщало жаркий воздух соленым ароматом испарений. Зеленоватые волны, взбегая на желтый песок, сбрасывали на него белую пену, она с тихим звуком таяла на горячем песке, увлажняя его.

Узкая, длинная коса походила на огромную башню, упавшую с берега в море. Вонзаясь острым шпилем в безграничную пустыню играющей солнцем воды, она теряла свое основание вдали, где знойная мгла скрывала землю. Оттуда, с ветром, пролетал тяжелый запах, непонятный и оскорбительный здесь, среди чистого моря, под голубым, ясным кровом неба.

В песок косы, усеянной рыбьей чешуей, были воткнуты деревянные колья, на них висели невода, бросая от себя паутину теней. Несколько больших лодок и одна маленькая стояли в ряд на песке, волны, взбегая на берег, точно манили их к себе. Багры, весла, корзины и бочки беспорядочно валялись на косе, среди них возвышался шалаш, собранный из прутьев ивы, лубков и рогож. Перед входом в него на суковатой палке торчали, подошвами в небо, валяные сапоги. И над всем этим хаосом возвышался длинный шест с красной тряпкой на конце, трепетавшей от ветра.

В тени одной из лодок лежал Василий Легостев, караульщик на косе, передовом poste рыбных промыслов Гребенщикова. Лежал он на груди и, поддерживая голову ладонями рук, пристально смотрел в даль моря, к едва видной полоске берега. Там, на воде, мелькала маленькая черная точка, и Василию было приятно видеть, как она все увеличивается, приближаясь к нему.

Прищуривая глаза от яркой игры солнечных лучей на волнах, он довольно улыбался: это едет Мальва. Она приедет, захохочет, грудь ее станет соблазнительно колыхаться, обнимет его мягкими руками, расцелует и звонко, вспугивая чаек, заговорит о новостях там, на берегу. Они с ней сварят хорошую уху, выпьют водки, поваляются на песке, разговаривая и любовно балуясь, потом, когда стемнеет, вскипятят чайник чая, напьются со вкусными баранками и лягут спать... Так бывает каждое воскресенье, каждый праздник на неделе. Рано утром он повезет ее на берег по сонному еще морю, в предрассветном свежем сумраке. Она, дремля, будет сидеть на корме, а он грести и смотреть на нее. Смешная она бывает в то время, смешная и милая, как сытая кошка. Может быть, она соскользнет с лавочки на дно лодки и уснет там, свернувшись в клубок. Она часто делает так...

В этот день даже чайки истомлены зноем. Они сидят рядами на песке, раскрыв клювы и опустив крылья, или же лениво качаются на волнах без криков, без обычного хищного оживления.

Василию показалось, что в лодке не одна Мальва. Неужели опять Сережка привязался к ней? Василий тяжело повернулся на песке, сел и, прикрыв глаза ладонью, с тревогой в сердце стал рассматривать, кто еще там едет? Мальва сидит на корме и правит. Гребец – не Сережка, гребет он неумело, с Сережкой Мальва не стала бы править.

– Эй! – нетерпеливо крикнул Василий.

Чайки на песке дрогнули и насторожились.

– Эй-эй... – донесся с лодки звонкий голос Мальвы.

- С кем ты?

В ответ донесся смех.

- Чертовка! - негромко выругался Василий и сплюнул. Ему очень хотелось знать, кто это едет там; свертывая папиросу, он упорно смотрел в затылок и спину гребца. Звучный плеск воды под ударами весел раздается в воздухе, песок скрипит под босыми ногами караульщика.

- Это кто с тобой? - крикнул он, когда различил знакомую ему улыбку на красивом лице Мальвы.

- А вот погоди, узнаешь! - со смехом отозвалась она.

Гребец обернулся лицом к берегу и, тоже смеясь, взглянул на Василия.

Караульщик нахмурил брови, вспоминая, - кто этот как будто знакомый ему парень?

- Ударь сильней! - скомандовала Мальва.

Лодка с размаху почти до половины всползла на песок вместе с волной и, покачнувшись набок, стала, а волна скатилась назад, в море. Гребец выскочил на берег и сказал:

- Здравствуй, отец!

- Яков! - подавленно воскликнул Василий, более изумленный, чем обрадованный.

Они обнялись и поцеловались по три раза в губы и щеки; на лице Василия удивление смешалось с радостью и смущением.

- То-то я смотрю... и что-то тово оно, - сердце зудит... Ах, ты, - как это ты? На-ко! А я смотрю - Сережка? Нет, вижу, не Сережка! Ан - это ты!

Василий одной рукой гладил бороду, а другой махал в воздухе. Ему хотелось взглянуть на Мальву, но в его лицо уставились улыбающиеся глаза сына, и ему было неловко от их блеска. Чувство довольства собой за то, что у него такой здоровый, красивый сын, боролось в нем с чувством смущения от присутствия любовницы. Он переступал с ноги на ногу, стоя перед Яковым, и один за другим кидал ему вопросы, не дожидаясь ответа на них. В голове у него все как-то спуталось, и особенно нехорошо стало ему, когда раздались насмешливые слова Мальвы:

- Да ты не юли уж... с радости-то! Веди его в шалаш да угощай...

Он обернулся к ней. На губах ее играла усмешка, незнакомая ему, и вся она - круглая, мягкая и свежая, как всегда, в то же время была какая-то новая, чужая. Она переводила свои зеленоватые глаза с отца на сына и грызла арбузные семечки белыми, мелкими зубами. Яков тоже с улыбкой рассматривал их, и несколько неприятных Василию секунд все трое молчали.

- Я сейчас! - вдруг заторопился Василий, двигаясь к шалашу. - Вы уходите от солнца-то, а я наберу воды, пойду... уху будем варить! Я тебя, Яков, та-акой ухой накормлю! Вы тут тово... располагайтесь, я сию минуту...

Он схватил с земли у шалаша котелок, быстро пошел куда-то в невода и скрылся в серой массе их складок.

Мальва и его сын тоже пошли к шалашу.

- Ну вот, молодец хороший, я доставила тебя к отцу, - говорила Мальва, искоса оглядывая коренастую фигуру Якова.

Он повернул к ней свое лицо в кудрявой темно-русой бороде и, блеснув глазами, сказал:

- Да, приехали... А хорошо тут, - море-то какое!

- Широкое море... Ну, что же, - сильно постарел отец?

- Нет, ничего. Я думал - он седее, а у него еще мало седины-то... И крепкий...

- Сколько, говоришь, время вы не видались?

- Годов пять, чай... Как уходил он из деревни - мне в ту пору семнадцатый шел...

Они вошли в шалаш, где было душно, а от рогож пахло соленой рыбой, и сели там: Яков - на толстый обрубок дерева, Мальва - на кучу кулей. Между ними стояла перерезанная поперек бочка, дно ее служило столом. Усевшись, они молча, пристально посмотрели друг на друга.

- Стало быть, здесь работать хочешь? - спросила Мальва.

- Да вот... не знаю... Коли найдется что - буду.

- У нас найдется! - уверенно пообещала Мальва, ощупывая его своими зелеными, загадочно прищуренными глазами.

Он не смотрел на нее, вытирая рукавом рубахи потное лицо.

Вдруг она засмеялась.

- Мать-то, чай, отцу наказы да поклоны с тобой прислала?

Яков взглянул на нее, нахмурился и кратко сказал:

- Известно... А что?

- Ничего!

Смех ее не нравился Якову, - он точно поддразнивал его. Парень отвернулся от этой женщины и вспомнил наказы матери.

Проводив его за околицу деревни, она оперлась на плетень и быстро говорила, часто моргая сухими глазами:

- Скажи ты ему, Яша... Христа ради, скажи ты ему - отец, мол!.. Мать-то одна, мол, там... пять годов прошло, а она все одна! Старееет, мол!.. скажи ты ему, Яковушка, ради господа. Скоро старухой мать-то будет... одна все, одна! В работе все. Христа ради, скажи ты ему...

И она безмолвно заплакала, спрятав лицо в передник.

Тогда Якову не было жалко ее, а теперь стало жалко... Взглянув на Мальву, он сурово повел бровями.

- Ну, вот и я! - воскликнул Василий, являясь в шалаш с рыбой в одной руке и ножом - в другой.

Он уже справился со своим смущением, глубоко скрыв его внутри себя, и теперь смотрел на них спокойно, только в движениях его явилась несвойственная ему суетливость.

- Вот сейчас запалю я костер... и приду к вам... поговорим! Ах, Яков, а?

И он опять ушел из шалаша.

Мальва, не переставая грызть семечки, бесцеремонно разглядывала Якова, а он старался не смотреть на нее, хотя ему этого очень хотелось.

Потом, так как молчание стесняло его, он сказал вслух:

- А котомку-то я в лодке оставил, - пойти взять!

Неторопливо поднявшись с места, он вышел, на смену ему в шалаш явился Василий и, наклонясь к Мальве, заговорил торопливо и сердито:

- Ну, на что ты-то приехала с ним? Что я про тебя скажу ему? Кто ты мне?
- Приехала, да и все! - коротко сказала Мальва.
- Эх, ты... несообразная баба! Как я теперь буду? Так прямо ему в глаза и тово... сразу?.. У меня жена дома-то! Мать ему... Должна ты была это сообразить!
- Очень нужно мне соображать! Боюсь я его, что ли? Али тебя? - спросила она, пренебрежительно щуря свои зеленые глаза. - А как ты давеча завертелся перед ним! То-то смешно мне было!
- Смешно тебе! А я как буду?
- А ты думал бы об этом раньше!
- Да я знал, что ли, что его так вот вдруг выбросит сюда из моря-то?

Скрипел песок под ногами Якова, и они оборвали свой разговор. Яков принес легонькую котомку, бросил ее в угол и искоса, недобрыми глазами, взглянул на женщину.

Она с увлечением щелкала семечки, а Василий присел на обрубок, потер руками колени и с улыбкой заговорил:

- Так вот ты, значит, и явился... как это ты надумал?
- Да так... Писали мы тебе...
- Когда? Я никакого письма не получал!..
- Ну? А мы писали...
- Потерялось, видно, письмо-то, - огорчился Василий. - Ишь ты, черт его возьми... а? Когда нужно - оно и потерялось...
- Стало быть, ты не знаешь наших-то делов? - спросил Яков, недоверчиво взглянув на отца.
- Да откуда? Не получал я письма!

Тогда Яков рассказал ему, что лошадь у них пала, хлеб весь они съели еще в начале февраля; заработков не было. Сена тоже не хватило, корова чуть с голоду не сдохла. Пробились кое-как до апреля, а потом решили так: ехать Якову после пахоты к отцу, на заработки, месяца на три. Об этом они написали ему, а потом продали трех овец, купили хлеба да сена, и вот Яков приехал.

- Вот оно что! - воскликнул Василий. - Та-ак... А... как же вы... денег я вам посылал...
- Велики ли деньги? Избу чинили... Марью замуж выдали... Плуг я купил... Ведь пять годов... время-то прошло!
- Да-а! Не хватило, значит? Такое дело... А уха-то у меня сбежит! - Он встал и вышел вон.

Присев на корточки перед костром, над которым висел закипавший котелок, сбрасывая пену в огонь, Василий задумался. Все, что рассказал ему сын, не особенно сильно тронуло его, но породило в нем неприятное чувство к жене и Якову. Сколько он им за пять лет денег переслал, а они все-таки не справились с хозяйством. Если бы не Мальва, он сказал бы Якову кое-что. Самовольно, без отцова разрешения из деревни ушел - хватило ума на это, - а с хозяйством справиться не мог! Хозяйство, о котором Василий, живя до сего дня жизнью приятной и легкой, вспоминал очень редко, теперь вдруг напомнило ему о себе, как о бездонной яме, куда он пять лет бросал деньги, как о чем-то лишнем в его жизни, не нужном ему. Он вздохнул, мешая ложкой уху.

В блеске солнца маленький желтоватый огонь костра был жалок, бледен. Голубые,

Мальва. Максим Горький gorki.ucoz.ru
прозрачные струйки дыма тянулись от костра к морю, навстречу брызгам волн. Василий следил за ними и думал о том, что теперь ему хуже будет жить, не так свободно. Наверное, Яков уже догадался, кто эта Мальва...

А она сидела в шалаше, смущая парня задорными, вызывающими глазами, в которых, не исчезая, играла улыбка.

- Чай, поди-ка, невесту в деревне-то оставил? - вдруг сказала она, заглядывая в лицо Якова.

- Может, и оставил, - неохотно ответил тот.

- Красивая, что ли? - небрежно спросила она.

Яков промолчал.

- Что молчишь?.. Лучше меня, али нет?

Он посмотрел ей в лицо, не желая этого. Щеки у нее были смуглые, полные, губы сочные, - полураскрытые задорной улыбкой, они вздрагивали. Розовая ситцевая кофта как-то особенно ловко сидела на ней, обрисовывая круглые плечи и высокую, упругую грудь. Но не нравились ему ее лукаво прищуренные, зеленые, смеющиеся глаза.

- Зачем ты так говоришь? - вздохнув, сказал он просящим голосом, хотя желал говорить с ней строго.

- А как надо говорить? - засмеялась она.

- И смеешься тоже... чему?

- Над тобой смеюсь...

- Ну, что я тебе? - обиженно спросил он и снова опустил глаза под ее взглядом.

Она не ответила.

Яков догадывался о том, кто она отцу, и это мешало ему свободно говорить с ней. Догадка не поражала его: он слышал, что на отхожих промыслах люди сильно балуются, и понимал, что такому здоровому человеку, как его отец, без женщины трудно было бы прожить столько времени. Но все-таки неловко и перед ней и перед отцом. Потом он вспоминал свою мать - женщину истомленную, ворчливую, работавшую там, в деревне, не покладая рук...

- Готова ушлица! - объявил Василий, являясь в шалаш. - Достань-ка ложки, Мальва!

Яков взглянул на отца и подумал:

"Видно, часто она у него бывает, коли знает, где ложки лежат!"

Взяв ложки, она сказала, что надо пойти помыть их и что в корме лодки у нее есть водка.

Отец и сын посмотрели вслед ей и, оставшись один на один, помолчали.

- Ты с ней как встретился? - спросил Василий.

- А я спрашивал про тебя в конторе, и она была там... И говорит: "чем, говорит, идти пешком по песку, поедем в лодке, я тоже к нему". Вот и приехали.

- Да-а... А я, бывало, думаю: "каков-то теперь Яков?"

Сын добродушно усмехнулся в лицо отца, и эта усмешка придала Василию храбрости.

- А... ничего бабенка-то?

- Ничего, - неопределенно сказал Яков, моргнув глазами.

Мальва. Максим Горький gorki.ucoz.ru

- Никакого лешего не поделаешь, брат ты мой! - воскликнул Василий, взмахивая руками. - Терпел я сначала - не могу! Привычка... Я женатый человек. Опять же и одежду она починит и другое прочее... И вообще... эхма! От женщины, как от смерти, никуда не уйдешь! - искренно закончил он свое объяснение.

- Мне что? - сказал Яков. - Это твое дело, я тебе не судья.

А про себя думал:

"Станет тебе такая штаны чинить..."

- Опять же мне всего сорок пять лет... Расхода на нее немного, не жена она мне... - говорил Василий.

- Конечно, - соглашался Яков и думал: "А все, чай, треплет карман-то!"

Пришла Мальва с бутылкой водки и связкой кренделей в руках; сели есть уху. Ели молча, кости обсасывали громко и выплевывали их изо рта на песок к двери. Яков ел много и жадно; это, должно быть, нравилось Мальве: она ласково улыбалась, глядя, как отдуваются его загорелые щеки, быстро двигаются влажные, крупные губы. Василий ел плохо, но старался показать, что он очень занят едой, - это нужно было ему для того, чтоб без помехи, незаметно для сына и Мальвы, обдумать свое отношение к ним.

Ласковую музыку волн перебивали хищные крики чаек. Зной становился менее жгучим, уже иногда в шалаш залетала прохладная струя воздуха, пропитанного запахом моря.

После вкусной ухи и водки глаза Якова осовели. Он начал глуповато улыбаться, икать, позевывать и смотреть на Мальву так, что Василий нашел нужным сказать ему:

- Ты приляг тут, Яшутка, пока до чаю... а там мы тебя разбудим.

- Это можно-о... - согласился Яков, сваливаясь на кули. - А... вы куда? Ха-ха!

Василий, смущенный его смехом, торопливо вышел, а Мальва поджала губы, сдвинула брови и ответила Якову:

- А куда мы пойдем - это не твое дело! Ты что? Ты еще нашему богу - бя! Вот ты что, паренек!..

- Я? Ладно! - воскликнул Яков вслед ей. - Па-а-го-ди... Я тебе покажу! Ишь ты какая...

Он поворчал еще немного и заснул с пьяной, сытой улыбкой на покрасневшем лице.

Василий воткнул в песок три багра, соединил их верхние концы, набросил на них рогожу и, так устроив тень, лег в ней, закинув руки за голову, глядя на небо. Когда Мальва опустилась на песок рядом с ним, он повернул к ней свое лицо, и на нем она увидела обиду и недовольство.

- Что - мало рад сыну-то? - спросила она, засмеявшись.

- Вон он... смеется надо мной... из-за тебя!.. - угрюмо сказал Василий.

- Ну? Из-за меня? - лукаво удивилась она.

- А как же?

- Ах ты, жалкенький! Что же теперь? Не ходит к тебе, что ли? а? Ну - не буду!..

- Ишь ты, ведьма какая! - укорил ее Василий. - Эх вы, люди! Он смеется, ты тоже... а вы мне самые близкие! За что же смеетесь? Черти! - Он отвернулся от нее и замолчал.

Мальва, обняв руками колени, тихонько покачивала корпусом, рассматривая зелеными глазами сверкающее, веселое море, и улыбалась одной из тех торжествующих улыбок,

Мальва. Максим Горький gorki.ucoz.ru
которых так много у женщины, понимающей силу своей красоты.

Парусное судно скользило по воде, как большая, неуклюжая птица с серыми крыльями. Оно было далеко от берега и шло еще дальше, туда, где море и небо сливалось в синюю бесконечность.

- Что молчишь? - спросил Василий.

- Думаю, - сказала Мальва.

- Про что это?

- Так, - повела она бровями и, помолчав, добавила: - Сын у тебя молодец парень...

- А тебе что? - ревниво воскликнул Василий.

- Мало ли что...

- Ты - смотри! - окинул он ее суровым взглядом полным подозрения. - Ты не дури! Я хотя и смиренный, но ты меня не дразни, - да!

Он стиснул зубы и сжал кулаки, продолжая:

- Ты сегодня сразу, как приехала, играть начала что-то... Я еще не понимаю этого... ну, смотри, пойму, неладно тебе будет! И улыбочки у тебя этикие... и все такое... Я тоже с вашей сестрой умею обращаться...

- А ты меня, Вася, не пугай... - равнодушно и не глядя на него, попросила она.

- То-то! Не шути же...

- А ты уж не страшай...

- Я и взбучку дам, коли баловать начнешь... - грозил Василий, озлобляясь.

- Бить станешь? - обернулась она к нему, с любопытством глядя в его взволнованное лицо.

- А что ты за графиня? И вздую...

- Да я тебе что - жена, что ли? - вразумительно и спокойно спросила Мальва и, не дожидаясь ответа, продолжала: - Привыкши бить жену на за что ни про что, ты и со мной так же думаешь? Ну, нет. Я сама себе барыня, и никого не боюсь. А ты вон - сына боишься: давеча как заюлил перед ним - стыд! А еще грозишь мне!

Она презрительно качнула головой и замолчала. Ее холодные, пренебрежительные слова подавили озлобление Василия. Никогда еще он не видал ее такой красивой.

- Разошлась, раскаркалась... - молвил он, и злясь и любясь ею.

- И еще скажу тебе вот что. Ты Сережке бахвалился, что я без тебя, как без хлеба, жить не могу! Напрасно ты это... Может, я не тебя люблю и не к тебе хожу, а люблю я только место это... - Она широко повела рукой вокруг себя. - Может, мне то нравится, что здесь пусто - море да небо и никаких подлых людей нет. А что ты тут - это все равно мне... Это вроде платы за место... Сережка был бы - к нему бы я ходила, сын твой будет - к нему пойду... А еще лучше, кабы вас вообще никого не было... обрыдли вы мне!.. Если я с моей красотой захочу - я всегда себе мужика, какого мне нужно, выберу...

- Вот ка-ак?! - свирепо зашипел Василий и вдруг схватил ее за горло. Так вот что-о?

Он встряхивал ее, но она не отбивалась, хотя лицо ее краснело и глаза наливались кровью. Она просто положила обе свои руки на его руку, давившую ее горло, и упорно смотрела ему в лицо.

- Так в тебе вон что есть? - хрипел Василий, все свирепея. - А молчала, шура...

а – обнимала... а – ласки мне... я ж тебе дам!

Он пригнул ее к земле и с наслаждением ударил по шее раз, два, тяжелыми ударами крепко стиснутого кулака. Приятно было ему, когда кулак с размаху падал на ее упругую шею.

– На... Что, змея? – с торжеством спросил он ее и отшвырнул от себя.

Она, не охнув, молчаливая и спокойная, упала на спину, растрепанная, красная и все-таки красивая. Ее зеленые глаза смотрели на него из-под ресниц с холодной ненавистью. Но он, отдуваясь от возбуждения и приятно удовлетворенный исходом злобы, не видал ее взгляда, а когда с торжеством взглянул на нее – она улыбалась, – дрогнули ее полные губы, вспыхнули глаза, на щеках явились ямки. Василий изумленно посмотрел на нее.

– Что ты, – черт! – грубо дернув ее за руку, крикнул он.

– Васька!.. Это ты бил меня? – полушепотом спросила она.

– Ну, а кто? – Ничего не понимая, он смотрел на нее и не знал, что ему делать. Не ударить ли ее еще раз? Но в нем уже не было злобы, и рука его не поднималась на нее.

– Стало быть, ты меня любишь? – снова спросила она, и от ее шепота ему стало жарко.

– Ладно, – угрюмо сказал он. – Так ли тебя надо!

– А ведь я думала, что ты уже не любишь меня... думаю: "Вот теперь сын к нему приехал... прогонит он меня..."

Она засмеялась странным, слишком громким смехом.

– Дуреха! – сказал Василий, тоже невольно усмехаясь. – Сын, – что он мне за уставщик?

Ему стало совестно перед ней и жалко ее, но, вспомнив ее речи, он заговорил строго:

– Сын тут ни при чем... А что я ударил тебя – сама виновата, зачем дразнила?

– Так ведь я это нарочно, – пыталась ты... – И она прижалась к нему плечом.

– Пыталась! Чего пытаться? Вот и допыталась.

– Ничего! – уверенно сказала Мальва, щуря глаза, – я не сержусь – ведь любя побил? А я тебе за это заплачу... – Она в упор посмотрела на него и, понизив голос, повторила: – Ох, как заплачу!

Василий в этих словах услышал обещание, приятное ему, оно сладко волновало; улыбаясь, он спросил:

– А как?.. Ну-ка?!

– Увидишь, – спокойно сказала Мальва, но губы у нее дрогнули.

– Эх ты, милушка моя! – воскликнул Василий, крепко стиснув ее руками влюбленного. – А знаешь, как побил я тебя – дороже ты мне стала! Право! Роднее... али как?

Чайки носились над ними. Ласковый ветер с моря приносил брызги волн почти к их ногам, а неугомонный смех моря все звучал...

– Эх, дела наши! – свободно вздохнул Василий, задумчиво лаская женщину, прильнувшую к нему. – И как все устроено на свете: что грешно, то и сладко. Ты вот ничего не понимаешь – а я иной раз задумаюсь про жизнь – даже страшно станет! Особливо ночью... не спится когда... Смотришь: перед тобой море, над тобой – небо, кругом темно таково, жутко... а ты тут – один! И станешь тогда сам

Мальва. Максим Горький gorki.ucoz.ru

для себя таким ма-аленьким, маленьким... земля под тобой шатается, и никого-то на ней, кроме тебя, нет. Хоть бы ты была в ту пору... все-таки двое...

Мальва, закрыв глаза, лежала у него на коленях и молчала. Грубоватое, но доброе, коричневое от солнца и ветра лицо Василия наклонилось над ней, его большая выцветшая борода щекотала ее шею. Женщина не двигалась, только грудь ее вздымалась высоко и ровно. Глаза Василия то блуждали в море, то останавливались на этой груди, близкой к нему. Он стал целовать ее в губы, не торопясь, чмокая так громко, точно горячую и жирно намавленную кашу ел.

Часа три они провели так; когда солнце начало спускаться в море, Василий сказал скучным голосом:

- Ну, пойду чай кипятить... скоро гость проснется!

Мальва ленивым движением разнежившейся кошки отодвинулась в сторону, он неохотно встал и пошел к шалашу. Женщина, чуть приподняв ресницы, посмотрела вслед ему и вздохнула, как вздыхают люди, сбросив ношу, утомившую их.

Потом они, трое, сидели вокруг костра и пили чай.

Солнце окрашивало море в живые краски заката, зеленоватые волны блестели пурпуром и жемчугом.

Василий, прихлебывая чай из белой глиняной кружки, расспрашивал сына о деревне, сам вспоминал о ней. Мальва, не вмешиваясь, слушала их медленные речи.

- Живут, стало быть, мужички?

- Живут, как-никак... - отвечал Яков.

- Нашему брату - много ли надо? Избу, да хлебушка вдоволь, да в праздник водки стакан... Но и этого нет... Разве бы я ушел сюда, ежели бы можно было кормиться дома-то? В деревне я сам себе хозяин, всем равный человек, а здесь вот - слуга...

- Зато здесь сытнее и работа легче...

- Ну, этого тоже не скажи! Бывает так, что все кости ноют. Опять же здесь чужому работаешь, а там - самому себе.

- А выработаешь больше, - спокойно возражал Яков.

Внутренно Василий соглашался с доводами сына: в деревне и жизнь и работа тяжелее, чем здесь; но ему почему-то не хотелось, чтобы Яков знал это. И он сурово сказал:

- Ты считал заработок-то здешний? В деревне, брат...

- Как в яме: и темно, и тесно, - усмехнулась Мальва. - А особенно бабье житье - одни слезы.

- Бабье житье одинаково везде... и свет везде один, одно солнце!.. нахмурился Василий, взглянув на нее.

- Ну это ты врешь! - воскликнула она, оживляясь. - Я в деревне-то хочу не хочу, а должна замуж идти. А замужем баба - вечная раба: жни, да пряди, за скотом ходи, да детей роди... Что же остается для нее самой? Одни мужевы побои да ругань...

- Не всё побои, - перебил ее Василий.

- А здесь я ничья, - не слушая его, говорила она. - Как чайка, куда захочу, туда и полечу! Никто мне дороги не загородит... Никто меня не тронет!..

- А как тронет? - усмехаясь, напоминающим тоном спросил Василий.

- Ну, - я уж заплачу! - тихо сказала она, и разгоревшиеся глаза ее погасли.

Василий снисходительно засмеялся.

- Эх ты, - бойка ты, да слаба! Бабы слова говоришь. В деревне баба нужный для жизни человек... а здесь - так она... для баловства только живет... - Помолчав, он добавил: - Для греха.

Яков, когда их разговор оборвался, сказал, задумчиво вздохнув:

- И конца, кажись, нет этому морю...

Все трое молча взглянули в пустыню перед ними.

- Ежели бы все это земля была! - воскликнул Яков, широко размахнув рукой. - Да чернозем бы! Да распахать бы!

- Вон что! - добродушно засмеялся Василий, одобрительно взглянув в лицо сына, даже покрасневшее от силы выраженного желания. Ему приятно было слышать в словах сына любовь к земле, и он подумал, что эта любовь, быть может, скоро и настоятельно позовет Якова от соблазнов вольной промысловой жизни назад в деревню. А он останется здесь с Мальвой - и все пойдет по-старому.

- Это, Яков, хорошо ты сказал! Крестьянину так и следует. Крестьянин землей и крепок: докуда он на ней - жив, сорвался с нее - пропал! Крестьянин без земли - как дерево без корня: в работу оно годится, а прожить долго не может - гниет! И красоты лесной нет в нем - обглоданное, обстроганное, невидное!.. Это ты, Яков, очень хорошие слова сказал.

Море, принимая солнце в свои недра, встречало его приветливой музыкой плеска волн, разукрашенных его прощальными лучами в дивные, богатые оттенками цвета. Божественный источник света, творящего жизнь, прощался с морем красноречивой гармонией своих красок, чтобы далеко от трех людей, следивших за ним, разбудить сонную землю радостным блеском лучей восхода.

- У меня душа тает, когда я смотрю, как солнышко заходит, право, ей-богу! - сказал Василий Мальве.

Она промолчала. Голубые глаза Якова улыбались, блуждая в дали моря. Долго все трое задумчиво смотрели туда, где гасли последние минуты дня. Пред ними тлели уголья костра. Сзади ночь развertyвала по небу свои тени. Желтый песок темнел, чайки исчезли, - все вокруг становилось тихим, мечтательно ласковым... И даже неугомонные волны, взбегая на песок косы, звучали не так весело и шумно, как днем.

- Что я сию? - сказала Мальва. - Надо идти.

Василий поежился и взглянул на сына.

- Куда торопиться? - невольно пробормотал он. - Погоди, - вот месяц взойдет...

- А что - месяц? Я и так не боюсь, - не в первый раз мне ночью отсюда уходить!

Яков взглянул на отца и прищурил глаза, скрывая усмешку, потом посмотрел на Мальву, - она тоже смотрела на него, - и ему стало неловко.

- Ну, что ж! Иди! - разрешил Василий, недовольный и скучный.

Она встала, простилась и медленно пошла вдоль берега косы; волны, подкатываясь ей под ноги, точно заигрывали с ней. В небе трепетно вспыхивали звезды - его золотые цветы. Яркая кофточка Мальвы, удаляясь от Василия и его сына, провожавших ее глазами, линияла в сумраке.

Милый мой... скорей иди!

Да-ах! Прижми-ись к моей груди!

запела Мальва высоким и резким голосом.

Мальва. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Василию показалось, что она остановилась и ждет. Он с ожесточением плюнул, думая: "Это она нарочно, дразнит меня, дьяволица!"

- Ишь ты! Поет! - усмехнулся Яков.

Она была для их глаз только серым пятном в сумраке.

Не-е-жа-алей моих грудей,

Двоих бе-елых лебедей!

разносился над морем ее голос.

- Ишь как! - воскликнул Яков и всем телом потянулся туда, откуда неслись соблазнительные слова.

- Значит, не сладил ты там с хозяйством-то? - раздался суровый голос Василия.

Яков, недоумевая, взглянул на него и принял прежнюю позу.

Утопая в шуме волн, до их слуха доносились отдельные, разорванные слова задорной песни:

...Ах ...спать не в мочь

...Одной... в эту ночь!

- Жарко! - тоскливо воскликнул Василий, возясь на песке. - Ночь ведь... а жарко! Экая проклятая сторона...

- Это - песок... нагрелся за день-то... - отворотясь в сторону и как будто запинаясь, сказал Яков.

- Ты чего?.. Смеешься никак? - сурово спросил его отец.

- Я? - невинно спросил Яков. - Чему это?

- То-то, мол, ровно бы нечему...

Они замолчали.

А сквозь шум волн до них долетали не то вздохи, не то тихие, ласково зовущие крики.

Прошло две недели, снова наступило воскресенье, и снова Василий Легостев, лежа на песке около своего шалаша, смотрел в море, ждал Мальву. И пустынное море смеялось, играя отраженным солнцем, и легионы волн рождались, чтоб взбежать на песок, сбросить на него пену своих грив, снова скатиться в море и растаять в нем. Все было такое же, как и четырнадцать дней тому назад. Только Василий, прежде ожидавший свою любовницу со спокойной уверенностью, сегодня ждал ее с нетерпением. В прошлое воскресенье она не была, а - сегодня должна быть! Он не сомневался, что она придет, но ему хотелось скорее видеть ее. Яков не будет мешать сегодня: третьего дня он приезжал за неводом вместе с другими рабочими и сказал, что в воскресенье с утра отправится в город купить себе рубах. Он нанялся на ватаги по пятнадцати рублей в месяц, уже несколько раз ездил на ловлю рыбы и теперь смотрел бойко и весело. От него, как от всех рабочих, пахло соленой рыбой, и, как все, он был грязный и рваный. Василий вздохнул при мысли о сыне.

"Как бы он здесь уцелел... избалуется... тогда, пожалуй, не захочет уж назад в деревню идти... И придется мне самому..."

Кроме чаек, в море никого не было. Там, где оно отделялось от неба тонкой полоской песчаного берега, иногда появлялись на этой полоске маленькие, черные точки, двигались по ней и исчезали. А лодки все не было, хотя уже лучи солнца падают в море почти отвесно. В это время Мальва, бывало, уже давно здесь.

Две чайки схватились в воздухе и дерутся так, что перья летят от них.

Мальва. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Ожесточенные крики рвут веселую песню волн, такую постоянную, так гармонично слитую с торжественной тишиной сияющего неба, что она кажется звуком радостной игры солнечных лучей на равнине моря. Чайки падают в воду, бьют друг друга, яростно вскрикивая от боли и злобы, и снова вздымаются в воздух, преследуя друг друга... А подружки их – целая стая, – как бы не видя этой борьбы, жадно ловят рыбу, кувыряясь в зеленоватой, прозрачной, играющей воде.

Море – пустынно. Не являлось в нем там, далеко у берега, знакомое темное пятно...

– Не едешь? – вслух сказал Василий. – Ну – и не надо! А ты думала как?..

И он презрительно сплюнул по направлению к берегу.

Море смеялось.

Василий встал и пошел в шалаш, намереваясь варить себе обед, но почувствовал, что есть ему не хочется, воротился на старое место и снова лег там.

"Хоть бы Сережка приехал! – мысленно воскликнул он и заставил себя думать о Сережке. – Это – яд-парень. Надо всеми смеется, на всех лезет с кулаками. Здоровый, грамотный, бывалый... но пьяница. С ним весело... Бабы души в нем не чают, и – хотя он недавно появился – все за ним так и бегает. Одна Мальва держится поодаль от него... Не едет вот. Экая окаянная бабенка! Может, она рассердилась на него за то, что он ударил ее? Да разве ей это в новинку? Чай, как били... другие! Да и он теперь задаст ей..."

Так, думая то о сыне, то о Сережке и больше всего о Мальве, Василий возился на песке и все ждал. Беспокойное настроение незаметно перерождалось у него в темную подозрительную мысль, но он не хотел остановиться на ней. И, скрывая от себя свое подозрение, он провел время до вечера, то вставая и расхаживая по песку, то снова ложась. Уже море потемнело, а он все еще рассматривал его даль, ожидая лодку.

Мальва не приехала в этот день.

Ложась спать, Василий уныло ругал свою службу; не позволяющую ему отлучиться на берег, а засыпая, он часто вскакивал, – сквозь дрему ему слышалось, что где-то далеко плещут весла. Тогда он прикладывал руку козырьком к своим глазам и смотрел в темное, мутное море. На берегу, на промысле, горели два костра, а в море никого не было.

– Ладно же, ведьма! – грозил он. – А потом заснул тяжелым сном.

А на промысле вот что произошло в этот день.

Яков встал рано утром, когда солнце еще не палило так жарко и с моря веяло бодрой свежестью. Он вышел из барака к морю умываться и, подойдя к берегу, увидел Мальву. Она сидела на корме баркаса, причаленного к берегу, и, спустив за борт голые ноги, расчесывала мокрые волосы.

Яков остановился и стал смотреть на нее любопытными глазами.

Ситцевая кофточка, не застегнутая на груди, спустилась с одного плеча, а плечо было такое белое, вкусное.

В корму баркаса били волны, Мальва то поднималась над морем, то опускалась так низко, что голые ее ноги почти касались воды.

– Купалась, что ли? – крикнул Яков.

Она обернула к нему лицо, мельком взглянула на него и, снова расчесывая волосы, ответила:

– Купалась... Что рано поднялся?

– Ты еще раньше...

- А я тебе что за пример?

Яков промолчал.

- По моей-то манере будешь жить - трудно будет тебе голову носить! сказала она.

- О? Ишь ты, какая страшная! - усмехнулся Яков и, присев на корточки, стал умываться.

Черпая пригоршнями воду, он плескал ее себе на лицо и покряхтывал, ощущая свежесть. Потом, утираясь подолом рубахи, спросил Мальву:

- Что ты меня стращаешь все?

- А ты что на меня глаза пялишь?

Яков не помнил, чтобы смотрел на нее больше, чем на других промысловых женщин, но теперь вдруг сказал ей:

- Да ежели ты... вон какая сдобная!

- Вот отец узнает эти твои замашки - он тебе шею-то насдобит!

Она лукаво и задорно смотрела ему в лицо.

Яков засмеялся и полез на баркас. Он опять-таки не понимал, про какие его замашки она говорит, но коли она говорит, так, значит, он поглядывал на нее зорко. Ему стало приятно, весело.

- А что отец? - говорил он, идя к ней по борту баркаса. - Что ты купленная его, что ли?

Усевшись рядом с ней, он устался на ее голое плечо полуобнаженную грудь, на всю ее фигуру - свежую и крепкую, пахнущую морем.

- Вон ты, - белуга какая! - с восхищением воскликнул он, подробно осмотрев ее.

- Не про тебя! - кратко заявила она, не глядя на него, не оправляя своего откровенного костюма.

Яков вздохнул.

Пред ними необозримо расстилалось море в лучах утреннего солнца. Маленькие игристые волны, рождаемые ласковым дыханием ветра, тихо бились о борт. Далеко в море, как шрам на атласной груди его, виднелась коса. С нее в мягкий фон голубого неба вонзался шест тонкой черточкой, и было видно, как треплется по ветру тряпка.

- Да, паренек! - заговорила Мальва, не глядя на Якова. - Вкусна я, да не про тебя... А и никем я не купленная, и отцу твоему не подвластна. Живу сама про себя... Но ты ко мне не лезь, потому что я не хочу между тобой и Васильем стоять... Ссоры не хочу и разной склоки... Понял?

- Да я что? - изумился Яков. - Я ведь тебя не трогаю...

- Тронуть ты меня не смеешь! - сказала Мальва.

Она так это сказала, с таким пренебрежением к Якову, что в нем был обижен и мужчина и человек. Задорное, почти злое чувство охватило его, глаза вспыхнули.

- О? Не смею? - воскликнул он, подвигаясь к ней.

- Не смеешь!

- Н-ну? А как трону?

- Тронь!

- А что будет?
- А я дам тебе по затылку, ты и кувырнешься в воду.
- А ну, дай!
- А - тронь!

Он окинул ее горящими глазами и вдруг крепко охватил ее сбоку сильными лапами, сдавив ей грудь и спину. От прикосновения ее тела, горячего и крепкого, он вспыхнул весь и горло его сжалось от какого-то удушья.

- Вот! Ну... бей! Ну... что?
- Пусти, Яшка! - спокойно сказала она, делая попытки освободиться из его вздрагивавших рук.
- А по затылку хотела?
- Пусти! Смотри, худо будет!
- Ну... не стражай ты меня! Эх ты... малина!

Он прижался к ней и впился толстыми губами в ее румяную щеку.

Она задорно захохотала, крепко схватила Якова за руки и вдруг, сильным движением всего своего тела, рванулась вперед. В объятиях друг друга они тяжелой массой свались в воду и скрылись в пене и брызгах. Потом на взволнованной воде появилась мокрая голова Якова с испуганным лицом, а рядом с ней вынырнула Мальва. Яков, отчаянно взмахивая руками, разбивал вокруг себя воду, выл и рычал, а Мальва с громким хохотом плавала вокруг него, плеская ему в лицо пригоршни соленой воды, ныряла, уклоняясь от широких взмахов его лап.

- Черт! - закричал Яков, фыркая. - Я утону! Будет!.. Ей-богу - утону! Вода - горькая... Ах ты... тону-у!

Но она уже оставила его и, по-мужски загребая руками, плыла к берегу. Там, ловко взобравшись снова на баркас, она стала на корме и, смеясь смотрела на Якова, торопливо подплывавшего к ней. Мокрая одежда, пристав к ее телу, обрисовывала его формы от колен по плечи, и Яков подплыв к лодке и уцепившись рукой за нее, уставился жадными глазами на эту, почти голую, женщину, весело смеявшуюся над ним.

- Ну, вылезай, тюлень! - сказала она сквозь смех и, став на колени, подала ему одну руку, а другой оперлась в борт лодки.

Яков схватил ее руку и с одушевлением воскликнул:

- Ну... теперь держись! Я тебя - в-выкупаю!..

Он тянул ее к себе, стоя по плечи в воде; волны перебежали через его голову и, разбиваясь о лодку, брызгали в лицо Мальве. Она жмурилась, хохотала и вдруг, взвизгнув, прыгнула в воду, сбив Якова с ног тяжестью своего тела.

И снова они начали играть, как две большие рыбы, в зеленоватой воде, брызгая друг на друга и взвизгивая, фыркая, ныряя.

Солнце, смеясь, смотрело на них, и стекла в окнах промысловых построек тоже смеялись, отражая солнце. Шумела вода, разбиваемая их сильными руками, чайки, встревоженные этой возней людей, с пронзительными криками носились над их головами, исчезающими под набегом волн из дали моря...

Наконец, усталые и наглотавшиеся воды, они вылезли на берег и сели на солнце отдышаться.

- Тьфу! - морщась, плевался Яков. - Ну, и вода дрянная! То-то ее и много так!
- Дрянного всего много на свете, парней, например, - батюшки сколько! смеялась

Мальва, выжимая воду из своих волос...

Волосы у нее были темные и хотя не длинные, но густые и вьющиеся.

- То-то ты старика и облюбовала себе, - ехидно усмехнулся Яков, толкнув ее локтем в бок.

- Иной старик лучше молодого.

- Уж коли отец хорош, стало быть, сын еще лучше...

- Ишь ты! Где учился хвастать-то?

- Мне девки в деревне часто говорили, что я совсем не плох парень.

- Разве девки что понимают? А ты меня спроси...

- А ты что? Али не девка?

Она пристально взглянула на него, он зазорно смеялся. Тогда она вдруг стала серьезной и с сердцем сказала ему:

- Была, да - однажды родила!

- Складно, да не ладно, - сказал Яков и расхохотался.

- Дурачина! - резко бросила ему Мальва и отвернулась от него.

Яков сробел и замолчал, поджав губы.

С полчасца они оба молчали, повертываясь к солнцу так, чтобы оно скорее высушило их мокрое платье.

В бараках - длинных, грязных сараях, с крышами на один скат просыпались рабочие. Издали все они были похожи друг на друга - оборванные, лохматые, босые... Доносились до берега их хриплые голоса, кто-то стучал по дну пустой бочки, летели глухие удары, точно рокотал большой барабан. Две женщины визгливо ругались, лаяла собака.

- Просыпаются, - сказал Яков. - А ведь я хотел сегодня в город ехать пораньше... и вот пробаловал с тобой...

- Со мной добра не будет, - не то шутя, не то серьезно сказала она.

- Чего ты все пугаешь меня? - удивленно усмехнулся Яков.

- А вот увидишь, как отец-то тебя...

Это напоминание об отце вдруг рассердило его.

- Что отец? Ну? - грубо воскликнул он. - Отец! Я сам не маленький... Важность какая... Здесь не те порядки... я не слепой, вижу... Он сам не праведник... он тут себя не стесняет... Ну, и меня не тронь.

Она насмешливо поглядела ему в лицо и с любопытством спросила:

- Не трогать тебя? А ты что делать собираешься?

- Я? - Он надул щеки и выпятил вперед грудь, как будто тяжесть поднимал. - Я-то? Я много могу! Меня чистым-то воздухом довольно обвеяло, деревенскую-то пыль сдуло с меня.

- Скоренько! - насмешливо воскликнула Мальва.

- А что? Я вот возьму да и отоблю тебя у отца.

- Н-ну? Неужто?

- А то побоюсь?

- Да ну-у?

- Ты вот что, - взволнованно и пылко заговорил Яков, - ты меня не дразни!.. Я... смотри!

- Что? - спокойно спросила она.

- Ничего!

Он отворотился от нее и замолчал, имея вид парня удалого и уверенного в себе.

- А ты задорный! Вот у приказчика черненький кутенок, видел? Так он такой же, как и ты. Издали лает, укусить обещает, а близко подойдешь, он подождет хвост да и бежать!

- Ну, ладно же! - воскликнул Яков, озлобляясь. - погоди ты! Увидишь, каков я есть, увидишь!

А она смеялась в лицо ему.

К ним шел, медленной походкой и покачивая корпусом, высокий, жилистый, бронзовый человек в густой шапке растрепанных, огненно-рыжих волос. Кумачная рубаха без пояса была разорвана на спине у него почти до ворота, и чтобы рукава ее не сползли с рук, он засучил их до плеч. Штаны представляли собой коллекцию разнообразных дыр, ноги были босы. На лице, густо усеянном веснушками, дерзко блестели большие голубые глаза, нос, широкий и вздернутый кверху, придавал всей его фигуре вид бесшабашно нахальный. Подойдя к ним, он остановился и, блестя на солнце телом, выглядывавшим из бесчисленных дыр его костюма, громко шмыгнул носом, вопросительно уставился на них глазами и скорчил смешную рожу.

- Вчера Сережка выпил немножко, а сегодня в кармане у Сережки - как в бездонном лукошке... Дайте двугривенный взаймы! Я все равно не отдам...

Яков добродушно расхохотался над его бойкой речью, а Мальва усмехнулась, разглядывая его ободранную фигуру.

- Дайте, черти! Я вас обвенчаю за двугривенный - хотите?

- Ах ты, балагур! Да разве ты поп? - смеялся Яков.

- Дурак! Я в Угличе у попа в дворниках жил... дай двугривенный!

- Я не хочу венчаться! - отказал ему Яков.

- Все равно - дай! Я твоему отцу не скажу, что ты за его кралей приухлестываешь, - настаивал Сережка, облизывая языком сухие, потрескавшиеся губы.

- Ври, так он тебе и поверит...

- Уж я совру, так поверит! - пообещал Сережка, - и вздует тебя - ах как!

- Не боюсь! - усмехнулся Яков.

- Ну, так я сам вздую! - спокойно заявил Сережка, суживая глаза.

Якову было жалко двугривенного, но его уже предупреждали, что с Сережкой не нужно связываться, а лучше удовлетворить его притязания. Многого он не потребует, а если не дать ему - подстроит во время работы какую-нибудь пакость или изобьет ни за что ни про что. Яков, вспомнив эти наставления, вздохнул и полез в карман.

- Вот так! - поощрил его Сережка, опускаясь на песок рядом с ним. Всегда меня слушай, умным будешь. А ты, - обратился он к Мальве, - скоро за меня замуж пойдешь? Скорей собирайся, - я долго ждать не буду.

- Дранный ты... Зашей дыры сначала, потом поговорим, - ответила Мальва.

Серезка критически посмотрел на свои дыры и качнул головой.

- А ты мне лучше свою юбку дай.

- Так! - сказала Мальва и засмеялась.

- А право! Дай - есть какая-нибудь старенькая?

- Да ты купи себе штаны, - посоветовала Мальва.

- Ну, я лучше пропью деньги...

- Лучше! - смеялся Яков, держа в руке четыре пятака.

- А как же? Мне поп говорил, что человек не о шкуре своей должен заботиться, о душе. Душа у меня требует водки, а не штанов. Давай деньги! Ну, вот теперь я выпью... А отцу про тебя все-таки скажу.

- Говори! - махнул рукой Яков и ухарски подмигнул Мальве, толкнув ее в плечо.

Серезка заметил это, сплюнул и еще пообещал:

- И вздуть тебя не забуду... Как только свободное время будет - такую дам клочку!

- Да за что? - тревожно спросил Яков.

- Уж я знаю... Ну, так замуж за меня скоро пойдешь? - обратился Серезка к Мальве.

- А вот ты расскажи мне, что мы делать будем и как жить, тогда подумаю, - серьезно сказала она.

Серезка поглядел в море, прищурил глаза, и, облизав губы, объяснил:

- Ничего не будем делать, гулять будем!

- А есть где возьмем?

- Ну, - махнул рукой Серезка, - ты, ровно мать моя, рассуждаешь. Что да как? Разве я знаю, что и как? Пойду выпью...

Он встал и пошел прочь от них, провожаемый странной улыбкой Мальвы и неприязненным взглядом парня.

- Ишь какой командир! - сказал Яков, когда Серезка ушел от них далеко. - У нас бы в деревне такого хахла живо усмирили... Дали бы ему хо-орошую взбучку - и все... А здесь боятся...

Мальва посмотрела на него и процедила сквозь зубы:

- Ах ты, поросля! Понимаешь ты ему цену!

- Чего понимаешь? Цена таким пятачок за пучок, да и то - когда их в пучке-то сотня.

- Тоже! - насмешливо воскликнула Мальва. - Это тебе цена... А он... везде бывал, скрозь прошел всю землю и никого не боится...

- А я кого боюсь? - храбро спросил Яков.

Она не ответила ему, задумчиво следя за игрой волн, взбегавших на берег, колыхая тяжелый баркас. Мачта качалась из стороны в сторону, корма, вздымаясь и падая в воду, хлопала по ней.

Звук был громкий и досадливый, - точно баркасу хотелось оторваться от берега, уйти в широкое, свободное море и он сердился на канат, удерживавший его.

- Ну, что же ты не уходишь? – спросила Мальва у Якова.
- А куда мне? – отозвался он.
- В город хотел...
- Не пойду!
- Ну, к отцу поезжай.
- А ты?
- Что?
- Тоже поедешь?
- Нет...
- Ну, и я нет.
- Целый день около меня будешь торчать? – спокойно спросила Мальва.
- Не больно-то ты мне нужна... – ответил Яков с обидой, встал и ушел от нее...

Но он ошибся, говоря, что она не нужна ему. Без нее стало скучно. Странное чувство родилось в нем после разговора с ней: смутный протест против отца, глухое недовольство им. Вчера этого не было, не было и сегодня до встречи с Мальвой... А теперь казалось, что отец мешает ему, хотя он там, далеко в море, на этой, чуть заметной глазу, полоске песку... Потом ему казалось, что Мальва боится отца. А кабы она не боялась – совсем бы другое вышло у него с ней.

Он шлялся по промыслу, рассматривая людей. Вон, в тени барака, на бочке сидит Сережка, и, тренькая на балалайке, поет, строя смешные рожи:

Господин гор-родо-ввой!

Будьте вежливы со мной...

Отведите меня в часть,

чтобы в грязь мне не упасть...

Его окружает человек двадцать таких же оборванцев, от всех, как и от всего здесь, – пахнет соленой рыбой, селитрой. Четыре бабы, некрасивые и грязные, сидя на песке, пьют чай, наливая его из большого жестяного чайника. А вот какой-то рабочий, несмотря на утро, уже пьян, возится на песке, пытается встать на ноги и снова падая. Где-то, взвизгивая, плачет женщина, доносятся звуки испорченной гармоники, и всюду блещит рыба чешуя.

В полдень Яков нашел себе тенистое местечко среди груды пустых бочек, лег там и проспал до вечера, а проснувшись, снова начал бродить по промыслу, ощущая смутное влечение куда-то. Проходив часа два, он нашел Мальву далеко от прииска под купой молоденьких ветел. Она лежала на боку и, держа в руках какую-то растрепанную книжку, смотрела навстречу ему, улыбаясь.

- Ишь ты где! – сказал он, садясь рядом с ней.
- А ты меня давно ищешь? – уверенно спросила она.
- Да разве я тебя искал?! – воскликнул Яков, вдруг понимая, что это так и есть: он искал ее. И, в недоумении, парень качнул головой.
- Ты грамотный? – спросила она его.
- Грамотный... да плохо, забыл все уж...
- И я тоже – плохо... В школе учился?

- В земской.
- А я сама выучилась...
- Ну?
- Право... В Астрахани у адвоката кухаркой была; сын его научил меня читать.
- Значит, не сама... - пояснил Яков.

Она посмотрела на него и опять спросила:

- А тебе хочется книжки читать?
- Мне? Нет... чего там?
- А я - люблю, - вот выпросила у приказчиной жены книжку и читаю...
- Про что?
- Про Алексея божия человека.

И, задумчиво рассказав ему о том, как юноша - сын богатых и важных родителей - ушел от них и от своего счастья, а потом вернулся к ним, нищий и оборванный, жил на дворе у них вместе с собаками, не говоря им до смерти своей, кто он, - Мальва тихо спросила у Якова:

- Зачем это он так?
- Кто ж его знает? - равнодушно ответил Яков.

Бугры песка, наметенного ветром и волнами, окружали их. Издали доносился глухой, темный шум, - это на промысле шумели. Солнце садилось, на песке лежал розоватый отблеск его лучей. Жалкие кусты ветел чуть трепетали своей бедной листвой под легким ветром с моря. Мальва молчала, прислушиваясь к чему-то.

- Чего же ты сегодня не поехала туда... на косу?
- А тебе что?

Яков искоса жадными глазами поглядывал на женщину, соображая, как ему сказать ей то, что нужно.

- Я вот, когда одна и тихо... все плакать хочу... Или - петь. Только песен я хороших не знаю, а плакать - стыдно...

Он слышал ее голос, тихий, ласковый, но то, что говорила она, не задело в нем ничего, лишь придало более резкую форму его желанию.

- А ты вот что, - глухо заговорил он, пододвигаясь к ней, но не глядя на нее, - ты послушай, что я тебе скажу... Я - парень молодой...
- И глупый, глу-упый! - убежденно вытянула Мальва, качая головой.
- Ну, пускай глупый, - с досадой воскликнул Яков. - Разве тут ум нужен?... Глупый - и ладно! А вот что я скажу - желаешь ты со мной...
- Не желаю!..
- Чего?
- Ничего! Да ты не дури... - Он осторожно взял ее за плечи. - Ты сообрази...
- Пошел прочь, яшка! - сурово сказала она, стряхнув с себя его руку. Пошел!

Он встал и осмотрелся вокруг.

- Ну... ежели ты так - мне наплевать! Вас здесь много... Думаешь - ты лучше других?

- Щенок ты, - спокойно сказала она, встав на ноги и отряхивая песок с платья.

И они пошли рядом друг с другом на промысел. Шли медленно, потому что ноги вязли в песке.

Яков грубо уговаривал ее уступить его желанию, она спокойно посмеивалась и отвечала ему колкими словами.

Вдруг он, когда они были уже около промысловых барачков, остановился и схватил ее за плечо.

- А ведь это ты нарочно разжигашь меня?! Зачем ты это? Я тебе смотри!

- Отстань ты, говорю! - она вывернулась из-под его руки и пошла, а навстречу ей из-за угла барака явился Сережка и, тряхнув своей лохматой огненной башкой, сказал зловеще:

- Гуляли? Ладно!

- Подите вы все к черту! - злобно крикнула Мальва.

А Яков остановился против Сережки и угрюмо смотрел на него. Между ними было шагов десять расстояния.

Сережка уставился в глаза Якова. Постояв так с минуту, как два барана, готовые треснуться друг о друга лбами, они молча разошлись в разные стороны.

Море было тихое и красное от заката; над промыслом стоял глухой шум, и из него рельефно выделялся пьяный женский голос, истерически выкрикивавший нелепые слова:

Та-агарга, матагарга,

Матаничка м-моя!

П-пьяная, избитая,

Растрепанная-а!

И эти слова, гадкие, как мокрицы, разбегались по промыслу, пропитанному запахом селитры и гнилой рыбы, - разбегались, оскорбляя собою музыку волн.

...В неясном блеске утренней зари даль моря спокойно дремала, отражая перламутровые облака. На косе возились полусонные рыбаки, укладывая в баркас снасти.

Серая масса сети ползла по песку на баркас и складывалась в кучу на дно его.

Сережка, как всегда, без шапки, полуголый, стоя на корме, торопил рыбаков хриплым, похмельным голосом. Ветер играл лоскутьями его рубахи и рыжими вихрами волос.

- Василий! Где зеленые весла? - кричал кто-то. Василий, хмурый, как октябрьский день, укладывал невод в баркасе, а Сережка смотрел ему в согнутую спину и облизывал губы, - признак его желания опохмелиться.

- У тебя водка есть? - спросил он.

- Есть, - глухо сказал Василий.

- Ну, так я не поеду... останусь у сухого крыла.

- Готово! - крикнули с косы.

- Отчаливай, давай! - командовал Сережка, сходя с баркаса. Поезжайте... я

останусь здесь. Смотри – завози шире, не путай!.. Да клади ровнее, – петель не навяжите!..

Баркас столкнули в воду, рыбаки влезли в него с бортов и, разобрав весла, подняли их на воздух, готовые ударить по воде.

– Раз!

Весла дружно упали в волны, и баркас рванулся вперед, в широкую равнину озаренной воды.

– Два! – командовал рулевой, и, как лапы гигантской черепахи, весла поднялись к бортам... – Раз!.. Два!..

На берегу у сухого крыла невода осталось пятеро: Сережка, Василий и еще трое. Один из них опустился на песок и сказал:

– Поспать еще...

Двое последовали его примеру, и на песке скорчились в комки три тела в грязных лохмотьях.

– Ты что в воскресенье не был? – спросил Василий у Сережки, идя с ним в шалаш.

– Нельзя было...

– Пьян был?

– Нет. Следил за твоим сыном да его мачехой, – спокойно сообщил Сережка.

– Нашел заботу! – криво усмехнулся Василий. – Малые они ребята, что ли?

– Хуже... Один – дурак, другая – юродивая...

– Это Мальва юродивая? – спросил Василий, и глаза его вспыхнули злобой. – Давно ли такой стала?

– У нее, брат, душа не по телу...

– Подлая у нее душа.

Сережка покосился на него и презрительно фыркнул.

– Подлая! Эх вы... землееды тупорылые! Ни черта вы понимать не можете... Вам бы только титьки были у бабы жирные, – а характера ее вам не надо... А в характере весь цвет у человека... без характера баба – без соли хлеб. Можешь ты получить удовольствие от такой балалайки, у которой струн нет? Кобель!..

– Ишь ты до каких речей допился вчера!.. – уязвил его Василий.

Ему очень хотелось спросить, где и как видел вчера Сережка Якова и Мальву, но было совестно.

Придя в шалаш, он налил Сережке чайный стакан водки, надеясь, что после такой порции Сережка сразу охмелеет и сам расскажет ему про них. Но Сережка выпил, крякнул и, весь прояснившись, уселся в двери шалаша, потягиваясь и зевая.

– Выпьешь – как огня проглотить!.. – сказал он.

– Ну и пьешь ты! – воскликнул Василий, пораженный быстротой, с которой Сережка проглотил водку.

– Умею... – кивнул босяк рыжей головой и, вытерев ладонью мокрые усы, заговорил поучительно: – Умею, брат! Я все делаю скоро и прямо. Без изворотов – валяй прямо и все! А куда попадешь – это все равно! С земли, кроме как в землю, никуда не соскочишь...

– Ты хотел на Кавказ уходить? – спросил Василий, тихонько двигаясь к своей

цели...

- Уйду, когда захочу. Когда я захочу, - я прямо - раз-раз и... готово! Или по-моему вышло, или шишку на лбу набью... Просто!

- Чего проще! Вроде как без головы живешь...

Серезка насмешливо покосился на Василия.

- А ты - умный! Тебя сколько раз в волости пороли?

Василий посмотрел на него и смолчал.

- А ведь это хорошо, что у вас начальство ум-то сзади наперед розгами перегоняет... Эх ты! Ну, что ты с своей головой можешь поделывать? И куда ты с ней угодишь? И чего ты можешь выдумать? То-то! А я без головы прю прямо, и больше никаких! И, наверное, дальше тебя буду, - хвастливо говорил босяк.

- Это - пожалуй!.. - усмехнулся Василий. - Ты и до Сибири дойдешь...

Серезка искренне расхохотался.

Он не пьянел, вопреки ожиданию Василия, и того злило это. Поднести еще стакан ему было жалко, а в трезвом виде от Серезки ничего не добьешься... Но босяк сам выручил его.

- Ты что же про Мальву не спрашиваешь?

- А чего мне? - равнодушно протянул Василий, вздрагивая от какого-то предчувствия.

- Ведь она в воскресенье не была здесь... Спрашивай, как она жила за эти дни... Чай, ревнуешь, старый черт!

- Много их! - пренебрежительно махнул рукой Василий.

- Много их! - передразнил Серезка. - Эх вы, деревня лыкова помещика дикого! Дай вам мед, дай деготь - все у вас кулага будет...

- Ты что ее все хвалишь? Сватать, что ли, пришел? Так я ее сам давно усватал, - насмешливо сказал Василий.

Серезка осмотрел его, помолчал и увесисто начал говорить Василию, положив ему руку на плечо:

- Я знаю, что она живет с тобой. Я тебе в этом не мешал - не надо было... Но теперь этот Яшка, сын твой, около нее вертится - вздуй его докрасна! Слышишь? А то я сам вздую... Ты мужик хороший... дурак дубовый... Я тебе не мешал, и ты это помни...

- Вон что! И ты тоже за ней? - глухо спросил Василий.

- Тоже! Кабы я знал, что тоже, - я бы прямо всех вас посшибал с моей дороги и - конец... А то - куда мне ее?

- Так что же ты путаешься? - подозрительно спросил Василий.

Серезку, должно быть, поразил этот простой вопрос.

Он широко открытыми глазами посмотрел на Василия и засмеялся.

- Чего путаюсь? Да - черт-е знает чего... Так, - баба она... Этакая... с перцем... Нравится мне... А может, мне ее жалко, что ли...

Василий смотрел на него недоверчиво, но чувствовал, что Серезка искренне, от души говорит.

- Кабы она нетронутая девка была - ну еще можно пожалеть. А так - чудно что-то!

Серезка молчал, глядя, как баркас далеко в море поворачивал носом к берегу, описывая широкую дугу. Глаза Серезки смотрели открыто, лицо было доброе и простое.

Василий смягчился, глядя на него.

- А ты это верно, она баба славная... вертячка только!.. Яшка? Ну, я ему задам! Ишь, щенок!..

- Мне он не по душе... - заявил Серезка.

- А он ластится к ней? - сквозь зубы спросил Василий, разглаживая бороду.

- Он, - вот увидишь, - клином войдет между вами, - уверенно сказал Серезка.

В дали морской вспыхнул розовый веер лучей восхода. Сквозь шум волн с моря из баркаса долетел слабый крик:

- Веди-и!

- Вставай, ребята! Эй! К неводу! - командовал Серезка.

И скоро они, все пятеро, уже выбирали свой край невода. Из воды тянулась на берег длинная веревка, упругая, как струна, и рыбаки, захлестывая за нее лямки, покрывавая, тащили веревку.

А другую сторону невода вел к берегу баркас, скользя по волнам.

Солнце, великолепное и яркое, поднималось над морем.

- Увидишь Якова - скажи, чтобы он завтра побывал ко мне, - попросил Василий Серезку.

- Ладно.

Баркас пристал к берегу, и, соскочив с него на песок, рыбаки тянули свое крыло невода. Две группы постепенно сближались друг с другом, и поплавки невода, прыгая на воде, образовали правильный полукруг.

Поздним вечером этого дня, когда рабочие на промысле поужинали, Мальва, усталая и задумчивая, сидела на разбитой лодке, опрокинутой вверх дном, и смотрела на море, одетое сумраком. Там, далеко, сверкал огонь; Мальва знала, что это костер, зажженный Василием. Одинокий, точно заблудившийся в темной дали моря, огонь то ярко вспыхивал, то угасал, как бы изнемогая. Мальве было грустно смотреть на эту красную точку, потерянную в пустыне, слабо трепетавшую в неугомонном рокоте волн.

- Ты чего тут сидишь? - раздался голос Серезки за ее спиной.

- А тебе что? - спросила она, не взглянув на него.

- Любопытно.

Он помолчал, разглядывая ее, свернул папироску, закурил и сел верхом на лодку. Потом сказал дружелюбно:

- Чудная ты баба: то бежишь прочь ото всех, то чуть не всем на шею виснешь.

- Это тебе, что ли, я висну? - равнодушно спросила она.

- Не мне, а Яшке.

- А тебе завидно?

- Мм... Давай прямо, по душе говорить? - предложил Серезка, ударив ее по плечу. Она сидела боком к нему, и он не видел ее лица, когда она кратко бросила ему:

- Говори.

- Ты что Василья, бросила, что ли?

- Не знаю, - ответила она, помолчав. - А тебе зачем это?

- Да - так...

- Сердита я на него теперь.

- За что?

- Побил меня!

- Н-ну?.. Это он-то? А ты - далась ему? Ай-яй!

Серезка был изумлен. Он заглядывал сбоку в ее лицо и иронически чмокал губами.

- Кабы захотела - не далась бы, - возразила она с сердцем.

- Так что же ты?

- Не захотела.

- Крепко, значит, любишь кота? - насмешливо сказал Серезка и обдал ее дымом своей папиросы. - Ну, дела! А я было думал, что ты не из таких...

- Никого я вас не люблю, - снова равнодушно сказала она, отмахиваясь рукой от дыма.

- Врешь, поди-ка?

- Для чего мне врать? - спросила она, и по ее голосу Серезка понял, что врать ей действительно не для чего.

- А ежели ты его не любишь, как же ты позволяешь ему бить тебя? серьезно спросил он.

- Да разве я знаю? Чего ты пристаешь?

- Чудно!.. - тряхнув головой, сказал Серезка.

И оба они долго молчали.

Ночь приближалась. Тени ложились на море от облаков, медленно двигавшихся в небе. Волны звучали.

Огонь у Василия на кесе погас, но Мальва все еще смотрела туда. А Серезка смотрел на нее.

- Слушай! - сказал он. - Ты знаешь, чего хочешь?

- Кабы знала! - с глубоким вздохом, очень тихо ответила Мальва.

- Стало быть, не знаешь? Это плохо! - уверенно заявил Серезка. - А я вот всегда знаю! - И с оттенком грусти он добавил: - Только мне редко чего хочется.

- Мне всегда хочется чего-то, - задумчиво заговорила Мальва. - А чего?.. не знаю. Иной раз села бы в лодку - и в море! Далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видать. А иной раз так бы каждого человека завертела да и пустила волчком вокруг себя. Смотрела бы на него и смеялась. То жалко всех мне, а пуще всех - себя самое, то избила бы весь народ. И потом бы себя... страшной смертью... И тоскливо мне и весело бывает... А люди все какие-то дубовые.

- Народ гнилой, - согласился Серезка. - То-то, я смотрю на тебя и вижу - не кошка ты, не рыба... и не птица... А все это есть в тебе однако... Не похожа ты на баб.

- И то слава богу! - усмехнулась Мальва.

Из-за гряды песчаных бугров, слева от них, появилась луна, обливая море серебряным блеском. Большая, кроткая, она медленно плыла вверх по голубому своду неба, яркий блеск звезд бледнел и таял в ее ровном, мечтательном свете.

Мальва улыбнулась.

- А... знаешь?.. Мне иной раз кажется, - что, если бы барак ночью поджечь, - вот суматоха была бы!

- Какая! - с восхищением воскликнул Сережка и вдруг толкнул ее в плечо. - Знаешь что... я тебя научу, - забавную штуку сыграем! Хочешь?

- Ну? - с интересом спросила Мальва.

- Ты этого Яшку, - раззадорила здорово?

- Огнем пышет, - усмехнулась она.

- Страви его с отцом! Ей-богу! Потешно будет... Схватятся они, как медведи... Ты подогрей старика-то, да и этого тоже... А потом мы их друг на друга и спустим... а?

Мальва обернулась к нему и пристально посмотрела на его рыжее, весело улыбавшееся лицо. Освещенное луной, оно казалось менее пестрым, чем днем, при свете солнца. На нем не было заметно ни злобы, - ничего, кроме добродушной и немножко озорной улыбки.

- За что ты их не любишь? - подозрительно спросила Мальва.

- Я?.. Василий - ничего, мужик хороший. А Яшка - дрянь. Я, видишь ты, всех мужиков не люблю... сволочи! Они прикинутся сиротами - им и хлеба дают и - все! У них вон есть земство, и оно все для них делает... Хозяйство у них, земля, скот... Я у земского доктора кучером служил, насмотрелся на них... потом бродяжил много. Придешь, бывало, в деревню, попросишь хлеба цоп тебя! Кто ты, да что ты, да подай паспорт... Бивали сколько раз... То за конокрада примут, то просто так... В холодную сажали... Они ноют да притворяются, но жить могут: у них есть зацепка - земля. А я что против них?

- А ты разве не мужик? - перебила его Мальва, внимательно слушая его речь.

- Я мещанин! - с некоторой гордостью отрекся Сережка. - Города Углича мещанин.

- А я - из Павлиша, - задумчиво сообщила Мальва.

- За меня никого нет заступника! А мужики... они, черти, могут жить. У них и земство и все такое.

- А земство - это что? - спросила Мальва.

- Что? А черт его знает что! Для мужиков поставлено, их управа... Плюнь на это... Ты говори о деле - устрой-ка им стычку, а? Ничего ведь от этого не будет, - подерутся только!.. Ведь Василий бил тебя? Ну, вот и пусть ему его же сын за твои побои возместит.

- А что? - усмехнулась Мальва. - Это хорошо бы...

- Ты подумай... разве не приятно смотреть, как из-за тебя люди ребра друг другу ломают? Из-за одних только твоих слов?.. двинула ты языком раз-два и - готово!

Сережка долго, с увлечением рассказывал ей о прелести ее роли. Он одновременно и шутил и говорил серьезно.

- Эх, ежели бы я красивой бабой был! Такую бы я на сем свете заваруху развел! - воскликнул он в заключение, схватил голову в руки, крепко сжал ее, зажмурил глаза и замолчал.

Мальва. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Луна уже была высоко в небе, когда они разошлись. Без них красота ночи увеличилась. Теперь осталось только безмерное, торжественное море, посеребренное луной, и синее, усеянное звездами небо. Были еще бугры песку, кусты ветел среди них и два длинные, грязные здания на песке, похожие на огромные, грубо сколоченные гроба. Но все это было жалко и ничтожно перед лицом моря, и звезды, смотревшие на это, блестели холодно.

Отец и сын сидели в шалаше друг против друга, пили водку. Водку принес сын, чтобы не скучно было сидеть у отца и чтобы задобрить его. Сережка сказал Якову, что отец сердится на него за Мальву, а Мальве грозит избить ее до полусмерти; что Мальва знает об этой угрозе и потому не сдается ему, Якову, Сережка смеялся над ним.

- За-адаст он тебе за твои шашни! Так оттянет уши, что они по аршину величиной будут! Ты лучше не попадайся на глаза ему!

Насмешки рыжего, неприятного человека породили в Якове острую злобность к отцу. А тут еще Мальва мнетса и, глядя на него то задорно, то грустно, усиливает до боли его желание обладать ею...

И вот Яков, придя к отцу, смотрит на него, как на камень посреди своей дороги, - на камень, через который невозможно перескочить и обойти его нельзя. Но, чувствуя, что он нимало не боится отца, Яков уверенно смотрел в его угрюмые, злые глаза, точно говорил ему:

"Ну-ка, тронь?!"

Они уже дважды выпили, но ничего не сказали еще друг другу, кроме нескольких незначительных слов о промысловой жизни. Один на один среди моря, они копили в себе озлобление друг против друга, и оба знали, что скоро оно вспыхнет, обожжет их.

Рогожи шалаша шуршали под ветром, лубки постукивали друг о друга, красная тряпка на конце шеста лепетала что-то. Все эти звуки были робки и похожи на отдаленный шепот, бессвязно, нерешительно просивший о чем-то.

- Что, Сережка пьет все? - угрюмо спросил Василий.

- Пьет, каждый вечер пьяный, - ответил сын, наливая еще водки.

- Пропадет он... Вот она, свободная-то жизнь... без страха!.. И ты такой же будешь...

Яков кратко ответил:

- я таким не буду!

- Не будешь?! - хмуря брови, сказал Василий. - Знаю я, что говорю... Сколько времени живешь здесь? Третий месяц пошел, скоро надо будет домой идти, а много ли денег понесешь? - Он сердито плеснул из чашки в рот себе водку и, собрав бороду в руку, дернул ее так, что у него голова тряхнулась.

- За такое малое время многого здесь и нельзя добыть, - резонно ответил Яков.

- А коли так, так нечего тебе тут шалыганить - иди в деревню.

Яков молча усмехнулся.

- Что рожу кривишь? - угрожающе воскликнул Василий, озлобляясь спокойствием сына. - Отец говорит, а ты смеешься! Смотри, не рано ли начал вольничать-то? Не взнуздal бы я тебя...

Яков налил водки, выпил. Грубые придирки обижали его, но он крепился, не желая говорить так, как думал и хотел, чтоб не взбесить отца. Он немножко робел пред его взглядом, сверкавшим сурово и жестко.

А Василий, видя, что сын выпил один, не налив ему, еще более осwirепел.

- Говорит тебе отец – ступай домой, а ты смешки ему показываешь? Проси в субботу расчет и... марш в деревню! Слышишь?

- Не пойду! – твердо сказал Яков и упрямо мотнул головой.

- Это как так? – взревел Василий и, опершись руками о бочку, поднялся со своего места. – Я тебе говорю или нет? Что ты, собака, против отца рычишь? Забыл, что я могу с тобой сделать? Забыл ты?

Губы у него дрожали, лицо кривили судороги; две жилы вздулись на висках.

- Ничего я не забыл, – вполголоса сказал Яков, не глядя на отца. Ты-то все ли помнишь, гляди?

- Не твое дело учить меня! Разражу вдребезги...

Яков уклонился от руки отца, поднятой над его головой, и, стиснув зубы, заявил:

- Ты не тронь меня... Здесь не деревня.

- Молчать! Я тебе везде – отец!..

- Здесь в волости не выпорешь, нет ее здесь, волости-то, – усмехнулся Яков прямо в лицо ему и тоже медленно поднялся.

Василий, с налитыми кровью глазами, вытянув вперед шею, сжал кулаки и дышал в лицо сына горячим дыханием, смешанным с запахом водки; а Яков откинулся назад и зорко следил угрюмым взглядом за каждым движением отца, готовый отражать удары, наружно спокойный, но – весь в горячем поту. Между ними была бочка, служившая им столом.

- Не выпорю? – хрипло спросил Василий, изгибая спину, как кот, готовый прыгнуть.

- Здесь – все ровня... Ты рабочий – и я тоже.

- Вон что-о?

- Ну, а как? За что ты на меня взъелся? Думаешь, я не понимаю? Ты сам сначала...

Василий зарычал и так быстро взмахнул рукой, что Яков не успел уклониться. Удар попал ему по голове; он пошатнулся и оскалил зубы в зверское лицо отца, уже снова поднявшего руку.

- Смотри! – предупредил он его, сжимая кулаки.

- Я тебе – посмотрю!

- Брось, мол!

- Ага... ты!.. ты – отца?.. отца?.. отца?..

Им было тесно тут, в ногах у них путалось кулье из-под соли, опрокинутая бочка, обрубок.

Отбиваясь кулаками от ударов, Яков, бледный и потный, со стиснутыми зубами и по-волчьи горевшим взглядом, медленно отступал перед отцом, а тот шел на него, свирепо махая кулаками, слепой в своей злобе, как-то вдруг и странно растрепавшийся – точно оцетинился, как освирепевший кабан.

- Отстань – будет – брось! – говорил Яков, зловеще и спокойно, выходя из двери шалаша на волю.

Отец рычал и лез на него, но его удары встречали только кулаки сына.

- Ишь как тебя... ишь... – поддразнивал его Яков, сознавая себя более ловким.

- погоди... пос-стой...

Но Яков прыгнул вбок и бросился бежать к морю.

Василий пустился за ним, наклонив голову и простирая руки вперед, но запнулся ногой за что-то и упал грудью на песок. Он быстро поднялся на колени и сел, упершись в песок руками. Он был совершенно обессилен этой возней и тоскливо завыл от жгучего чувства неудовлетворенной обиды, от горького сознания своей слабости.

- Будь ты проклят! - захрипел он, вытягивая шею к Якову и сплевывая пену бешенства со своих дрожащих губ.

Яков прислонился к лодке и зорко смотрел на него, потирая рукой ушибленную голову. Один рукав его рубахи был оторван и висел на нитке, ворот тоже был разорван, белая потная грудь лоснилась на солнце, точно смазанная жиром. Он чувствовал теперь презрение к отцу; он считал его сильнее, и, глядя, как отец, растрепанный и жалкий, сидит на песке и грозит ему кулаками, он улыбался снисходительной, обидной улыбкой сильного слабому.

- Проклят ты от меня... вовеки!

Василий так громко крикнул проклятие, что Яков невольно оглянулся в даль моря, к промыслу, точно думал, что там услышат этот крик бессилия.

Но там были только волны и солнце. Тогда он сплюнул в сторону и сказал:

- Кричи!.. Кому досалишь? Себе только... А коли у нас так вышло, я вот что скажу...

- Молчи!.. Уйди с глаз... уйди! - крикнул Василий.

- В деревню я не пойду... буду тут зимовать... - говорил Яков, не переставая следить за движениями отца. - Мне здесь лучше, - я это понимаю, не дурак. Здесь легче... Там ты бы надо мной верховодил, как хотел, а здесь - на-ко выкуси!

Он показал отцу кукиш и засмеялся, не громко, но так, что Василий, снова разъяренный, вскочил на ноги и, схватив весло, бросился к нему, хрипло выкрикивая:

- Отцу? Отцу-то? Убью...

Но, когда он, слепой в своей ярости, подскочил к лодке, Яков был уже далеко от него. Он бежал, и оторванный рукав рубашки несся за ним по воздуху.

Василий бросил в него веслом, оно не долетело, и мужик, снова обессиленный, свалился грудью в лодку и царапал ногтями дерево, глядя на сына, а тот кричал ему издали:

- Стыдился бы! Седой уж, а - из-за бабы - так озверел... Эх ты! А в деревню я не ворочусь... Сам иди туда... нечего тебе тут делать.

- Яшка! молчи! - заглушая его крик, взревел Василий. - Яшка! Убью я тебя... Поди прочь!

Яков пошел не торопясь.

Тупыми, безумными глазами отец смотрел, как он идет. Вот он стал короче, ноги его как бы утонули в песке... он ушел в него по пояс... по плечи... с головой. Нет его... Но через минуту, немного дальше того места, где он исчез, опять сначала появилась его голова, плечи, потом весь он... Он стал меньше теперь... Обернулся и смотрит сюда и что-то кричит.

- Проклят ты! Проклят, проклят! - ответил Василий на крик сына. Тот махнул рукой, снова пошел и... снова исчез за бугром песка.

Василий еще долго смотрел в ту сторону, пока спина его не заняла от неудобной позы, в которой он полулежал, прислонясь к лодке. Разбитый, он встал на ноги и пошатнулся от ноющей боли в костях. Пояс сбился ему под мышки; деревянными пальцами он развязал его, поднес к глазам и бросил на песок. Потом пошел в шалаш

Мальва. Максим Горький gorki.ucoz.ru

и, остановившись перед углублением в песке, вспомнил, что на этом месте он упал и что если бы не упал он, то поймал бы сына. В шалаше все было разбросано. Василий поискал глазами бутылку с водкой и, найдя ее между кулями, поднял. Пробка сидела в горле бутылки плотно, водка не пролилась. Василий медленно выковырял пробку и, сунув горло бутылки себе в рот, хотел пить. Но стекло стучало его по зубам, и водка лилась изо рта на бороду, на грудь.

В голове у Василия шумело, на сердце было тяжело, спину ломала ноющая боль.

- Стар я однако!.. - вслух сказал он и опустился на песок у входа в шалаш.

Пред ним было море. Смеялись волны, как всегда шумные, игривые. Василий долго смотрел на воду и вспомнил жадные слова сына:

"Кабы это все земля была! Да чернозем бы! Да распахать бы!"

Едкое чувство охватило мужика. Он крепко потер себе грудь, оглянулся вокруг себя и глубоко вздохнул. Голова его низко опустилась и спина согнулась, точно тяжесть легла на нее. Горло сжималось от приступов удушья. Василий откашлялся, перекрестился, глядя на небо. Тяжелая дума обуяла его.

...За то, что он, ради гулящей бабы, бросил жену, с которой прожил в честном труде больше полутора десятка лет, - господь наказал его восстанием сына. Так, господи!

Надругался сын над ним, больно рванул его за сердце... Убить его мало за то, что он так надсадил душу своего отца! Из-за чего! Из-за женщины, дрянной, зазорной жизнью живущей! Грех было ему, старику, связываться с ней, забыв о своей жене и сыне...

И вот господь, во святом гневе своем, напомнил ему, через сына ударил его по сердцу справедливой карой своей... Так, господи!..

Василий сидел согнувшись, крестился и часто моргал глазами, смахивая ресницами слезы, ослеплявшие его.

Солнце опускалось в море. На небе тихо гасла багряная заря. Из безмолвной дали несся теплый ветер в мокрое от слез лицо мужика. Погруженный в думы раскаяния, он сидел до поры, пока не уснул.

...Через день после ссоры с отцом Яков с партией рабочих отправился на барке под буксиром парохода верст за тридцать от промысла на ловлю осетра. Воротился он на промысел через пять дней один, в лодке под парусом, - его послали за харчами. Он приехал в полдень, когда рабочие, пообедав, отдыхали. Было нестерпимо жарко, раскаленный песок жег ноги, а чешуя и кости рыб кололи их. Яков осторожно шагал к баракам и ругал себя за то, что не надел сапог. Возвращаться на баркас было лень, к тому же он торопился скорее поесть чего-нибудь и увидеть Мальву. За скучное время, проведенное в море, он часто вспоминал ее. Ему теперь хотелось узнать, видела ли она его отца и что он говорил ей... Может быть, он избил ее? Ее побить не вредно, - смиреннее будет! А то больно уж зазорна да бойка она...

На промысле было тихо и пустынно. Окна в бараках были открыты, и эти большие, деревянные ящики тоже, казалось, изнывали от жары. В приказчиковой конторе, спрятавшейся между бараками, надрываясь, кричал ребенок. Из-за груды бочек доносились чьи-то тихие голоса.

Яков смело пошел на них: ему показалось, что он слышит речь Мальвы. Но, подойдя к бочкам и взглянув за них, он отступил назад и, насупившись, стал.

За бочками, в тени их, лежал вверх грудью, закинув руки под голову, рыжий Сережка. По одну сторону его сидел отец, а по другую - Мальва.

Яков подумал про отца:

"Зачем он тут? Неужто перевелся на промысел со своей спокойной должности для того, чтобы к Мальве ближе быть, а его к ней не подпускать? Ах, черт! Кабы мать все эти его поступки знала!.. Идти к ним или не надо?"

- Так! - сказал Сережка. - Стало быть - прощай? Ну, что же! Иди, ковыряй землю...

Яков радостно моргнул.

- Иду... - сказал отец.

Тогда Яков смело шагнул вперед и поздоровался:

- Честной компании!

Отец мельком взглянул на него и отвернулся в сторону, Мальва и бровью не моргнула, а Сережка дрыгнул ногой и сказал густым голосом:

- Вот воротился из дальних стран возлюбленный сын наш Яшка! - и своим обыкновенным тоном добавил: - Драть с него шкуру на барабан, как овчину с барашка...

Мальва тихо засмеялась.

- Жарко! - сказал Яков, садясь.

Василий снова взглянул на него.

- А я тебя, Яков, жду, - заговорил он.

Голос его показался Якову более тихим, чем всегда, и лицо было тоже точно новое.

- Я за харчами... - сообщил он и попросил у Сережки табаку на папироску.

- Нет от меня табаку тебе, дураку, - сказал Сережка, не двигаясь.

- Ухожу я домой, Яков, - внушительно произнес Василий, ковыряя песок пальцем руки.

- Что - так? - невинно посмотрел на него сын.

- Ну, а ты... останешься?

- Да, я останусь... Что нам двоим дома делать?

- Ну... я ничего не скажу. Как хочешь... не маленький! Только ты тово... помни, что я недолго протяну. Жить-то, может, и буду, а работать не знаю уж как... Отвык я, чай, от земли... Так ты помни, мать у тебя там есть.

Ему, должно быть, трудно было говорить: слова как-то вязли у него в зубах. Он гладил бороду, и рука его дрожала.

Мальва пристально смотрела на него. Сережка прищурил один глаз, а другой сделал круглым и уставил его в лицо Якова. Яков был полон радости и, боясь выдать ее, молчал, глядя на свои ноги.

- Не забудь же про мать-то... Смотри, один ты у нее, - говорил Василий.

- Чего там? - сказал Яков, поежившись. - Я знаю.

- Ладно, коли знаешь!.. - недоверчиво взглянув на него, сказал отец. Я говорю только - не забудь, мол.

Василий глубоко вздохнул. Несколько минут все четверо молчали. Потом Мальва сказала:

- Скоро зазвонят на работу...

- Ну, я пойду!.. - поднимаясь на ноги, объявил Василий. И все остальные встали за ним.

- Прощай, Сергей... Случится тебе быть на Волге - может, заглянешь?..

Мальва. Максим Горький gorki.ucoz.ru
Симбирского уезда, деревня Мазло, Николо-Лыковской волости...

- Ладно, - сказал Сережка, тряхнул ему руку и, не выпуская ее из своей жилистой лапы, поросшей рыжей шерстью, взглянул с улыбкой в его грустное и серьезное лицо.

- Лыково-Никольское - большое село... Далеко его знают, а мы от него четыре версты, - объяснял Василий.

- Ну, ну... Я забреду, - коли случай будет...

- Прощай!

- Прощай, милый человек!

- Прощай, Мальва! - глухо сказал Василий, не глядя на нее.

Она не торопясь вытерла себе губы рукавом и, закинув ему свои белые руки на плечи, трижды молча и серьезно поцеловала его в щеки и губы.

Он смутился и что-то невнятно промычал. Яков наклонил голову, скрывая усмешку, а Сережка легонько зевнул, глядя в небо.

- Жарко тебе будет идти, - сказал он.

- Ничего... Ну, прощай, Яков!

- Прощай!

Они стояли друг против друга, не зная, что делать. Печальное слово "прощай", так часто и однообразно звучавшее в воздухе в эти секунды, пробудило в душе Якова теплое чувство к отцу, но он не знал, как выразить его: обнять отца, как это сделала Мальва, или пожать ему руку, как Сережка? А Василию была обидна нерешительность, выражавшаяся в позе и на лице сына, и еще он чувствовал что-то близкое к стыду перед Яковым. Это чувство вызывалось в нем воспоминаниями о сцене на косе и поцелуями Мальвы.

- Так про мать-то помни! - сказал наконец Василий.

- Да ладно уж! - тепло улыбнувшись, воскликнул Яков. - Ты не беспокой себя... а я уж!..

И он тряхнул головой.

- Ну... и все! Живите тут, дай вам господь... не поминайте лихом... Так котелок-то, Серега, в песке я зарыл, под кормой, у зеленой лодки.

- А на что ему котелок? - быстро спросил Яков.

- Он на мое место определен... Туда, на косу! - объяснил Василий.

Яков посмотрел на Сережку, взглянул на Мальву и опустил голову, скрывая радостный блеск в своих глазах.

- Прощайте ж, братцы... иду я!

Василий поклонился им и пошел. Мальва двинулась за ним.

- Я провожу тебя немножко...

Сережка лег на песок и схватил за ногу Якова, тоже было шагнувшего за Мальвой.

- Тпру! Куда?

- погоди! Пусти... - рванулся было Яков.

Но Сережка схватил его за другую ногу.

- Посиди со мной...

- Да ну-у! Чего дуришь?

- Я не дую... А ты сядь!

Яков сел, стиснув зубы.

- Чего тебе надо?

- погоди! Ты помолчи, а я подумаю, потом и скажу...

Он грозно окинул парня своими нахальными глазами, и Яков покорился ему...

Мальва и Василий несколько времени шли молча. Она заглядывала сбоку в лицо ему, а глаза ее странно блестели. А Василий угрюмо нахмурился и молчал. Ноги их вязли в песке, и шли они медленно.

- Вася!

- что?

Он взглянул на нее и тотчас же отвернулся.

- А ведь это я нарочно поссорила тебя с Яшкой-то... Можно бы и так жить вам здесь, не ссорясь, - говорила она спокойно и ровно.

- Зачем же это ты? - помолчав, спросил Василий.

- Не знаю... Так!

Она пожала плечами, усмехаясь.

- Хорошее сделала дело! Эх ты! - укорил он ее злым голосом.

Она промолчала.

- Испортишь ты мне парня, вконец испортишь! Эхма! Ведьма ты, ведьма... бога не боишься... стыда не имеешь... что делаешь?

- А что надо делать? - спросила она его. Не то тревога, не то досада звучали в ее вопросе.

- что? Эх ты!.. - вспыхивая острой злобой к ней, воскликнул Василий.

Ему страстно хотелось ударить ее, свалить ее себе под ноги и втоптать в песок, ударя сапогами в ее грудь и лицо. Он сжал кулак и оглянулся назад. Там, у бочек, торчали фигуры Якова и Сережки, и лица их были обращены к нему.

- Поди прочь, - уйди! Расшиб бы я тебя...

Он почти шептал ей ругательства прямо в лицо. Глаза у него были налиты кровью, борода тряслась, а руки невольно тянулись к ее волосам, выбившимся из-под платка.

Она же смотрела на него спокойно своими зелеными глазами.

- Убить бы мне тебя, потаскуха ты! погоди... налетишь еще... сломят тебе башку!

Она усмехнулась, помолчала, а потом, вздохнув глубоко, бросила ему:

- Ну, полно... Прощай!

И, круто повернувшись, пошла назад.

Василий рычал вслед ей и скрипел зубами. А Мальва шла и все старалась попасть своими ногами в ясные глубокие следы ног Василия, оттиснутые в песке, и, попав в этот след, она старательно затирала его своей ногой. Так она медленно шла вплоть

до бочек, где Сережка встретил ее вопросом:

- Ну, проводила?

Она утвердительно кивнула ему головой и села рядом с ним. Яков смотрел на нее и ласково улыбался, двигая своими губами так, точно он шептал что-то, слышное только ему.

- Что же, - проводила, жалко стало? - снова спросил ее Сережка словами песни.

- Ты когда пойдешь туда, на косу? - ответила она вопросом, кивая головой в море.

- Вечером.

- И я с тобой...

- Важно!.. Это я люблю...

- И я пойду! - решительно заявил Яков.

- Кто тебя зовет? - спросил Сережка, щуря глаза.

Раздался дребезжащий звон разбитого колокола - призыв к работе. Звуки торопливо неслись в воздухе один за другим и умирали в веселом шорохе волн.

- А вот она позовет! - сказал Яков, вызывающе глядя на Мальву.

- я? На что ты мне нужен? - удивилась она.

- Будем говорить прямо, Яшка!.. - сурово сказал Сергей, поднимаясь на ноги. - Ежели ты к ней приставать будешь - изобью вдрызг! А пальцем тронешь - убью, как муху! Хлопну по башке - и нет тебя на свете! У меня - просто!

Все лицо его, вся фигура и узловатые руки, потянувшиеся к горлу Якова, очень убедительно говорили о том, как все это просто для него.

Яков отступил на шаг и сдавленно сказал:

- погоди! Ведь она сама же...

- Цыц - и все тут! Что ты такое? Не тебе, собака, барашка поедать: скажи спасибо, коли дадут костей поглотать... Ну?.. Чего буркалы пялишь?

Яков взглянул на Мальву. Зеленые глаза ее усмехались в лицо ему обидной, унижающей усмешкой, и она прижалась сбоку к Сережке так ласково, что Якова в пот бросило.

Они ушли от него рядом друг с другом и, отойдя немного, засмеялись оба громким смехом. Яков крепко втиснул правую ногу в песок и замер в напряженной позе, тяжело дыша.

Вдали по желтым, мертвым волнам песка двигалась маленькая, темная человеческая фигурка; справа от нее сверкало на солнце веселое, могучее море, а слева, вплоть до горизонта, лежали пески - однообразные, унылые, пустынные. Яков посмотрел на одинокого человека и, заморгав глазами, полными обиды и недоумения, крепко потер себе грудь обеими руками...

На промысле закипала работа.

Яков слышал сочный, грудной голос Мальвы, сильно кричавшей:

- Кто взял мой нож?..

Волны звучали, солнце сияло, море смеялось...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Мальва. Максим Горький gorkiymaxim.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!